

Понятие и виды запретов в профессиональной деятельности адвоката

Заборовский В.В.

*Государственное высшее учебное заведение
«Ужгородский национальный университет»*

Данная научная работа посвящена раскрытию проблемных вопросов, связанных с определением сущности и практической реализацией запретов в профессиональной деятельности адвоката, которые хотя и не относятся к структурным элементам правового статуса адвоката, но оказывают существенное влияние на всю адвокатскую деятельность.

Цель статьи – теоретико-прикладное исследование различных подходов ученых, а также положений нормативных актов по раскрытию правовой природы запретов в адвокатской деятельности и сущности некоторых из ее видов.

Материал и методы. Исследование проводилось с применением диалектического метода познания правовой действительности, что предоставило возможность проанализировать сущность запретов, которые присущи адвокатской деятельности, тогда как использование системно-структурного метода позволило определить общую структуру работы, что способствовало надлежащему раскрытию задач исследования по выяснению содержания основных запретов адвокатской деятельности и практических проблем их реализации.

Результаты и их обсуждение. В статье было определено соотношение понятий «обязанность» и «запрет» в контексте профессиональной деятельности адвоката. Проведен анализ законодательно закрепленных запретов, которые имеют определяющее влияние на всю адвокатскую деятельность в целом.

Заключение. На основании проведенного исследования автор приходит к выводу, что запреты в профессиональной деятельности адвоката, хотя и не являются непосредственно структурными элементами правового статуса адвоката (по своей сути служат определенными негативными дополнениями к профессиональным обязанностям), имеют большое практическое значение, поскольку фактически предусматривают конкретные специальные ограничения, направленные, в частности, на защиту интересов клиента путем предотвращения злоупотреблений адвокатом своим профессиональным статусом.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская деятельность, правовой статус адвоката, запреты в профессиональной деятельности адвоката.

The Concept and Types of Prohibitions in the Professional Activities of a Lawyer

Zaborovski V.V.

State Higher Education Establishment “Uzhhorod National University”

This scientific study concerns itself with the disclosure of problematic issues related to the definition of the essence and the practical implementation of prohibitions in the professional activities of a lawyer, which, although not related to the structural elements of the legal status of a lawyer, have a significant impact on all advocacy.

The purpose of the work is a theoretical and applied study of various approaches of scientists, as well as the provisions of normative acts on disclosing the legal nature of prohibitions in advocacy and the essence of some of its types.

Material and methods. The study was carried out using the dialectical method of legal reality cognition, which made it possible to analyze the essence of the prohibitions inherent in advocacy, while the use of the system-structural method made it possible to determine the general structure of the work, which contributed to the proper disclosure of the research objectives to clarify the content of the main prohibitions of advocacy and practical problems of their implementation. To achieve the goal, the author applied methods characteristic of legal science.

Findings and their discussion. The article defines the relationship between the concepts of “duty” and “prohibition” in the context of a lawyer’s professional activities. The analysis of the legislatively enshrined prohibitions, which have a decisive influence on all advocacy in general, is carried out.

Conclusion. Based on the study, the author comes to the conclusion that prohibitions in the professional activities of a lawyer, although they are not directly structural elements of the legal status of a lawyer (in their essence, they are certain negative additions to professional duties) are of great practical importance, since they actually provide for certain special restrictions, aimed, in particular, at protecting the interests of the client by preventing a lawyer from abusing his professional status.

Key words: lawyer, advocacy, the legal status of a lawyer, prohibitions in the professional activities of a lawyer.

На адвокатуру как институт гражданского общества возлагается важная обязанность по созданию условий реализации прав и свобод человека и гражданина. В то же время возможность их надлежащей реализации напрямую зависит от комплекса прав, обязанностей, гарантий и ответственности, совокупность которых и составляет правовой статус адвоката [1]. Соответствующий комплекс структурных элементов правового статуса адвоката создает предпосылки для оказания правовой помощи на профессиональной основе, которая служит для отграничения статуса адвоката от других поставщиков правовой помощи (правовых услуг).

Цель статьи – теоретико-прикладное исследование различных подходов ученых, а также положений нормативных актов по раскрытию правовой природы запретов в адвокатской деятельности и сущности некоторых из ее видов.

Материал и методы. Исследование проводилось с применением диалектического метода познания правовой действительности, что предоставило возможность проанализировать сущность запретов, которые присущи адвокатской деятельности, тогда как использование системно-структурного метода позволило определить общую структуру работы, что способствовало надлежащему раскрытию задач исследования по выяснению содержания основных запретов адвокатской деятельности и практических проблем их реализации.

Результаты и их обсуждение. Структурным элементом правового статуса адвоката, наряду с его правами, который рассматривается как исходный и общепринятый такой элемент, есть обязанности адвоката. Адвокат в любой своей деятельности, в том числе и в повседневной жизни, должен неукоснительно соблюдать обязанности, которые на него возлагает профессия. Необходимость существования обязанностей как элемента такого статуса обусловлена, прежде всего, потребностью защиты интересов клиента адвоката и обеспечения надлежащего уровня предоставления последним профессиональной юридической помощи. Именно с этой целью, помимо профессиональных обязанностей, на адвоката возлагаются и определенные запреты.

Что касается соотношения понятий «обязанности» и «запреты», то мы разделяем позицию ученых, которые исходят из того, что они не выступают в качестве синонимов, поскольку «запреты не являются обязанностями как таковыми, а есть некоторыми необходимыми негативными дополнениями к ним, которые накладывают на реализацию защитником своей функции, свое-

го профессионального долга соответствующие приписываемые ограничения» [2, с. 110]. Необходимость существования запретов в профессиональной деятельности адвоката имеет большое практическое значение, поскольку эти своего рода специфические ограничения, направленные на защиту прав человека и гражданина, в первую очередь защищают их от всякого рода злоупотреблений со стороны недобросовестных лиц, получивших статус адвоката [3].

В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 21 Закона Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» [4] адвокату запрещается использовать свои права вопреки правам, свободам и законным интересам клиента. Принцип приоритетности интересов клиента раскрывается в ст. 8 Правил адвокатской этики [5], согласно которой в рамках соблюдения принципа законности адвокат обязан в своей профессиональной деятельности исходить из преимущества интересов клиентов перед своими собственными интересами, интересами коллег, партнеров, сотрудников, законных представителей клиентов или их опекунов, попечителей и других лиц, а также перед любыми другими соображениями.

Касательно принципа приоритетности интересов клиента в отношениях адвоката с судом заслуживает внимания следующий вопрос: если не все интересы клиента адвоката определены законом и закреплены в его субъективных правах, принцип приоритетности распространяется на все интересы клиента или только на законные? [6, с. 10].

Осуществляя свою профессиональную деятельность, адвокат должен учесть, что пока не установлена истина и это не закреплено в соответствующем решении суда, то невозможно определить, правомерен интерес клиента или нет. Как справедливо отмечает Т.Б. Вильчик, до момента вынесения решения «адвокат обязан руководствоваться презумпцией законности интересов подзащитного» [7, с. 151]. В контексте нашего исследования заслуживает внимания и позиция тех ученых, которые исходят из того, что «стремление обвиняемого защищаться от обвинения (его материальный интерес) всегда законно (желание обвиняемого уйти от ответственности является его законным интересом, а незаконными могут быть лишь те или иные средства защиты» [2, с. 112]. При оценке с юридической точки зрения действий адвоката, как отмечается во многих решениях ЕСПЧ, необходимо учитывать особую функцию адвокатуры и ее роль в правовой системе государства, прежде всего, «в защите прав и законных интересов клиента именно законными способами и средствами, а также в стремлении к осуществлению правосудия» [8, с. 8].

Указанное дает возможность прийти к выводу, в соответствии с которым, придерживаясь принципа приоритетности интересов клиента в отношениях адвоката с судом, адвокат должен учесть, что интересы клиента находятся вне его контроля, тогда как способы защиты, которые должны использоваться адвокатом для достижения благоприятного результата для клиента, выбираются им самим, а потому априори должны быть законными.

Связанным с вышеобозначенным профессиональным запретом адвоката является и запрет адвокату занимать по делу позицию вопреки воле клиента, кроме случаев, если адвокат уверен в самоговоре клиента (п. 1 ч. 2 ст. 21 Закона).

Подобной позиции придерживается и белорусский законодатель, который фактически объединяет два указанных запрета, исходя из того, что адвокат не вправе действовать вопреки интересам клиента, занимать правовую позицию, не согласованную с ним, за исключением права адвоката в случае признания вины клиентом оспаривать такое утверждение и просить об оправдании или прекращении уголовного преследования (ч. 3 ст. 18 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» [9]).

Мы согласны с утверждением А.Г. Кучерены, который под определением «позиция адвоката» понимает «субъективное мнение адвоката относительно сущности и характера того дела, с которым физическое или юридическое лицо обратилось к адвокату, а также намерения адвоката по конкретным действиям, которые он предполагает принять по защите прав, свобод и интересов своего доверителя» [10, с. 1191]. Кроме того, ученый отмечает, что адвокат должен всегда иметь четкую позицию, согласно которой он будет строить всю свою дальнейшую работу, а потому ее выбор и обоснование считаются основным этапом оказания правовой помощи. Такая позиция, по утверждению М.В. Ходиловой (у нее это сложившееся мнение адвоката о фактических обстоятельствах дела), основана на имеющихся доказательствах и интересах доверителя, которые обусловлены его процессуальным положением в деле [11].

Проведенное исследование сущности процессуального положения адвоката (или представителя, или защитника) [12] дало нам возможность сделать вывод, что деятельность адвоката наряду с его профессиональной независимостью характеризуется и процессуальной самостоятельностью, которая имеет относительный характер. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, адвокат наделен правом самостоятельно выбирать

способы и средства оказания помощи своему клиенту, а с другой – такие способы и средства должны быть основаны на положениях закона. Вместе с тем адвокат должен учитывать и действие принципа приоритетности интересов клиента, но не забывать и о том, что закон и нравственность в его профессиональной деятельности выше, чем воля его клиента.

Считаем возможным согласиться с утверждением Т.Ю. Демчиной, согласно которому самостоятельность позиции защитника по отношению к обвиняемому допускает расхождение точек зрения адвоката и обвиняемого по различным вопросам, но она не может приводить к кардинальным разногласиям между основными позициями адвоката и обвиняемого, что придавало бы защите формальный характер [13]. Такие расхождения могут касаться выбора адвокатом способов, тактики, методики осуществления своей профессиональной деятельности, но он должен всегда помнить, что «высказывание, согласно которому “клиент всегда прав” для адвоката должно носить характер императива и не ставиться под сомнение» [14, с. 17].

Мы подвергаем сомнению мнение тех ученых, которые исходят из возможности занятия адвокатом самостоятельной правовой позиции, отличающейся от позиции своего клиента, которая, как отмечает И.З. Коробов, воспринимается как коллизия правовых позиций подзащитного и защитника или применяется термин «коллизонная защита» [15, л. 35]. В противном случае возможно наступление ситуации, на которую обращает внимание И. Резниченко. Так, ученый констатирует, если клиент не признает себя виновным, его интерес в вынесении оправдательного приговора, безусловно, законный, поскольку закон не обязывает подсудимого признавать свою вину независимо от того, совершил или не совершил он преступление, которое вменяется ему в вину. Исследователь справедливо указывает, что клиент вправе рассчитывать на всестороннюю помощь адвоката, независимо от того, считает адвокат его позицию обоснованной или необоснованной, а потому «ссылки адвоката на смягчающие обстоятельства и даже просьбы о переквалификации приобретают не защитный, а обвинительный характер: клиент отрицает свою вину, защитник же не отрицает, а, наоборот, признает ее, клиент просит вынести оправдательный приговор, а адвокат – обвинительный» [цит. по: 16, с. 54]. Учитывая, что интересы адвоката не могут отличаться от интересов его клиента, по нашему мнению, их позиции должны быть солидарными.

Единственное исключение из этого правила возможно тогда, когда адвокат уверен в самоого-

воре своего клиента. В юридической литературе самооговор рассматривается как «предоставление лицом ложной информации о совершении им самим преступления, административного правонарушения или дисциплинарного проступка» [17, с. 210]. Также отмечается, что самооговор может иметь место в случаях, когда «лицо желает защитить близкого ему человека от привлечения к различным видам ответственности, скрыть совершение более тяжкого деяния, чем это было в действительности, а также по другим мотивам» [16, с. 55]. Но в данной ситуации мы в полной мере разделяем мнение тех ученых, согласно которому право на занятие позиции по делу вопреки воле клиента нужно рассматривать как очень деликатный этико-правовой инструмент, воспользоваться которым адвокат может только тогда, когда исчерпаны другие возможности и использование которого оправдано только высокой моральной целью [18]. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, бывают многочисленные случаи «самооговора», полученные сотрудниками правоохранительных органов преступными методами, а с другой – встречаются и случаи, когда такое решение клиентом принимается сознательно и добровольно, взвесив все его последствия. Исходя из вышеизложенного, мы поддерживаем мнение украинского и белорусского законодателей о возможности занятия адвокатом самостоятельной позиции в ситуации, когда он уверен в самооговоре своего клиента, но это возможно при условии соблюдения неизменного принципа: «Не навреди клиенту».

Профессиональная деятельность адвоката тесно связана также с запретом разглашать без согласия клиента сведения, которые составляют адвокатскую тайну, использовать их в своих интересах или интересах третьих лиц (п. 2 ч. 2 ст. 21 Закона Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности»). Учитывая специфику такой деятельности, адвокат должен хранить адвокатскую тайну, а также обеспечивать защиту персональных данных о физическом лице, которыми он владеет. Соблюдение указанного запрета выступает основополагающим моментом в аспекте надлежащей реализации принципа конфиденциальности, который воспринимается одновременно и как право адвоката по сохранению конфиденциальности информации, которая является адвокатской тайной в отношениях с другими субъектами, так и как обязанность по неразглашению такой информации. Следует, прежде всего, понимать, что доверие к адвокату может возникать только при условии обязательного соблюдения им принципа конфиденциальности. Это связано с тем, что наличие доверия является определяющим аспектом взаимоотношений между адвокатом и его клиентом, поскольку последний «вынужден информи-

ровать фактически чужого человека (адвоката) об обстоятельствах своей личной жизни, которые не всегда носят положительный характер» [19, с. 121], а потому он должен быть уверен в том, что указанные сведения «останутся конфиденциальными, не смогут быть использованы против него» [20, с. 244]. Как справедливо отмечается в Хартии основных принципов европейской адвокатской профессии [21], суть функции адвоката заключается в том, что клиент сообщает ему о вещах, о которых он не рассказывал бы другим – самые сокровенные личные данные или ценную коммерческую тайну – при этом адвокат является получателем такой информации на основе доверия.

Доверительные отношения между адвокатом и клиентом могут возникнуть лишь в случае отсутствия у последнего сомнений в порядочности, честности и добросовестности адвоката (п. 2.2 Общего кодекса правил для адвокатов [22]). Неукоснительное соблюдение принципа конфиденциальности, а следовательно, существование безукоризненного доверия к профессиональной деятельности адвоката, невозможно при условии существования даже вероятного конфликта интересов.

Одним из запретов в профессиональной деятельности адвоката является и запрет отказываться от оказания помощи, кроме случаев, установленных законом. Ч. 2 ст. 28 профильного Закона Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» предусматривает достаточно широкий круг оснований для отказа в заключении договора о предоставлении правовой помощи. Так, адвокату запрещается заключать договор об оказании правовой помощи, если:

- доверенность на выполнение действий выходит за пределы профессиональных прав и обязанностей адвоката;
- результат, достижение которого желает клиент, или средства его достижения, на которых он настаивает, являются противоправными, противоречат моральным основам общества;
- адвокат участвовал в соответствующем производстве, и это является основанием для его отвода согласно процессуальному закону;
- выполнение договора о предоставлении правовой помощи может привести к разглашению адвокатской тайны.

Последние два указанных нами запрета направлены, прежде всего, на избежание конфликта интересов, правовому регулированию которого посвящен ряд норм как в украинском, так и в белорусском законодательстве. Показательной в данном случае является норма ч. 2 упомянутой ст. 18 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь», которая довольно подробно определяет случаи,

когда адвокату запрещается оказывать юридическую помощь клиенту во избежание возможного конфликта интересов.

Адвокату не нужно забывать, что одним из основополагающих принципов осуществления адвокатской деятельности является именно избежание конфликта интересов. Поэтому перед принятием поручения от клиента (по которому существует перспектива возникновения конфликта интересов), адвокат должен решить для себя вопрос, не лучше ли сразу отказаться от такого поручения, не допуская возможности возникновения негативных последствий для клиента. В противном случае (невозможности урегулирования конфликта интересов), адвокат в дальнейшем обязан прекратить предоставление правовой помощи, что может иметь существенные негативные последствия, прежде всего, для клиента (в частности, затраты времени и средств для поиска нового адвоката). Недовольство клиента, к сожалению, во многих случаях трансформируется в инициирование вопроса о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности, в результате чего снижается авторитет адвокатуры в целом.

Это далеко не все запреты, предусмотренные как профильным Законом Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», так и Правилами адвокатской этики. Кроме того, адвокат, приобретая индивидуальный правовой статус, в частности при реализации процессуальной формы своей деятельности, обязан, кроме вышеуказанных запретов, соблюдать и те, которые предусмотрены в процессуальном законодательстве.

Все это подтверждает то, что запреты в профессиональной деятельности адвоката, хотя и не являются непосредственно структурными элементами правового статуса адвоката (по своей сути служат определенными негативными дополнениями к профессиональным обязанностям), имеют важное практическое значение, поскольку фактически предусматривают определенные специальные ограничения, направлены, в частности, на невозможность злоупотребления адвокатом своим профессиональным статусом.

Реализация всех запретов в профессиональной деятельности адвоката должна обеспечить абсолютную независимость адвоката, которая является квинтэссенцией адвокатской деятельности. Такая независимость адвоката должна быть как на внешнем (ассоциируется, прежде всего, с запретом любых вмешательств и препятствий в осуществлении его профессиональной деятельности), так и особенно на внутреннем (воспринимается, в частности, как совокупность морально-этических и психологических качеств, которые

отражают отношение адвоката к осуществляемой им адвокатской деятельности, при условии отсутствия какой-либо внепрофессиональной (в частности личной) заинтересованности в процессе ее реализации) уровнях [23]. Адвокат не может осуществлять свою профессиональную деятельность, если она обоснованно противоречит его собственным, финансовым, коммерческим, имущественным и другим интересам.

Резонным в этом аспекте является положение ч. 4 ст. 18 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь», согласно которому адвокату запрещается покупать или иным способом приобретать имущество клиентов, которое служит предметом спора, в том числе имущественные права как на свое имя, так и на имя других лиц. Такая норма носит превентивный характер и направлена не только на предупреждение злоупотребления адвокатом своим профессиональным статусом, но и на обеспечение его независимости от клиента, в том числе и в финансовом аспекте.

Заключение. Запреты в профессиональной деятельности адвоката, хотя и не являются непосредственно структурными элементами его правового статуса (по своей сути выступают определенными негативными дополнениями к профессиональным обязанностям), имеют большое практическое значение, поскольку фактически предусматривают определенные специальные ограничения, направленные, в частности, на защиту интересов клиента путем предотвращения злоупотреблений адвокатом своим профессиональным статусом.

И украинский, и белорусский законодатели закрепляют довольно внушительный перечень запретов и других ограничений в профессиональной деятельности адвоката. В то же время отсутствие во многих случаях надлежащего как правового регулирования, так и практики соблюдения запретов в профессиональной деятельности адвоката допускает возможность существования злоупотреблений со стороны недобросовестных лиц, получивших такой статус, тем самым не обеспечивая должной защиты прав и свобод лиц, которые обратились к адвокату с целью получения профессиональной юридической помощи.

Литература

1. Заборовский, В.В. Структура правового статуса адвоката / В.В. Заборовский // Евразийская адвокатура. – 2016. – № 3(22). – С. 15–21.
2. Баев, М.О. Уголовно-процессуальные обязанности, запреты и ограничения как структурообразующий фактор предупреждения злоупотребления правом адвокатом-защитником в уголовном судопроизводстве / М.О. Баев // Судебная власть и уголовный процесс. – 2014. – № 3. – С. 107–116.

3. Алейников, Б.Н. Правозащитная деятельность адвоката: учеб. пособие / Б.Н. Алейников. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2017. – 96 с.
4. Про адвокатуру та адвокатську діяльність: Закон України від 5 липня 2012 р. № 5076-VI // Офіц. вісн. України. – 2012. – № 62. – Ст. 17.
5. Правила адвокатської етики, затверджені Установчим З'їздом адвокатів України від 17 листопада 2012 року [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/n0001891-17#Text>. – Дата доступу: 28.07.2021.
6. Таварткіладзе, Н.М. Етичні основи діяльності адвоката-захисника: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Н.М. Таварткіладзе. – О., 2003. – 20 с.
7. Вільчик, Т.Б. Дилеми моральних та правових категорій в системі адвокатської діяльності / Т.Б. Вільчик // Суперечності взаємодії моралі і права в сучасному суспільстві: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 22 трав. 2020 р. – Харків, 2020. – С. 149–155.
8. Бакаянова, Н.М. Чесність та добропорядна репутація адвоката / Н.М. Бакаянова // Вісн. Одес. адвокатури. – 2019. – Спец. вип.: Адвокатська етика. – С. 5–10.
9. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 30 дек. 2011 года № 334-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 2/1884.
10. Кучерена, А.Г. Правовая позиция адвоката и оценка им позиции противной стороны / А.Г. Кучерена // Lex Russica. – 2006. – № 6. – С. 1191–1197.
11. Ходилина, М.В. Правовая позиция адвоката-защитника (проблемы формирования и реализации): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / М.В. Ходилина. – М., 2013. – 213 л.
12. Заборовський, В.В. Незалежність та самостійність адвоката: проблеми розмежування / В.В. Заборовський // Наук. вісн. Ужгород. нац. ун-ту. Сер. Право. – 2017. – Вип. 42. – С. 242–246.
13. Демчина, Т.Ю. Організаційно-правові засади реалізації принципу незалежності адвокатури: дис. ... канд. юрид. наук: 081 «Право» / Т.Ю. Демчина. – Харків, 2020. – 270 л.
14. Адвокатская деятельность: учеб.-практ. пособие / под общ. ред. В.Н. Буробина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «ИКФ “ЭКМОС”», 2003. – 624 с.
15. Коробов, И.З. Тактико-этические основы коллизионной защиты по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И.З. Коробов. – Воронеж, 2009. – 209 л.
16. Гриненко, А.В. Адвокатура в Российской Федерации: учеб. пособие / А.В. Гриненко, Ю.А. Костанов, С.А. Невский. – М.: ТК Велби, 2003. – 192 с.
17. Пономаренко, Е.В. К вопросу о квалификации самоговора по российскому уголовному законодательству / Е.В. Пономаренко // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. – 2015. – № 4(105). – С. 209–212.
18. Фіолевський, Д.П. Адвокатура: підручник / Д.П. Фіолевський. – 3-тє вид., випр. і доп. – К.: Алерта, 2014. – 624 с.
19. Северин, К.М. Проблеми нормативного регулювання та реалізації принципу конфіденційності адвокатської діяльності / К.М. Северин // Наук. вісн. Міжнар. гуманітар. ун-ту. – 2014. – Вип. 9–2(2). – С. 120–122.
20. Панченко, В.Ю. Правовые средства обеспечения доверия клиента при оказании юридической помощи: возможности и пределы использования / В.Ю. Панченко, А.Е. Михалева // Вестн. Краснояр. гос. аграр. ун-та. – 2014. – № 11. – С. 243–245.
21. Charter of Core Principles of the European Legal Profession. Council of Bars and Law Societies of Europe (2006) [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ccbe.eu/NTCdocument/EN_CCBE_CoCpdf1_1382973057.pdf. – Data of access: 28.07.2021.
22. Загальний кодекс правил для адвокатів країн Європейського Співтовариства, прийнятий делегацією дванадцяти країн-учасниць на пленарному засіданні у Страсбурзі в жовтні 1988 року [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon2.rada.gov.ua/show/994_343. – Дата доступу: 28.07.2021.
23. Заборовський, В.В. Правовий статус адвоката в умовах становлення громадянського суспільства та правової держави в Україні: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / В.В. Заборовський. – К., 2018. – 42 с.

Поступила в редакцію 29.07.2021